Владимир Волковец

ОТЦОВСКИЙ ЛЕС

ОТЦОВСКИЙ ЛЕС

стихи

Свердловск
Средне-Уральское
книжное
издательство
1986

84Р7
В67

Новая книга молодого тюменского поэта, выпускника Литературного института имени А. М. Горького. Лирический герой его стихов горд званием рабочего человека, хранит трепетную любовь к родной земле, глубоко чувствует духовную связь с поколениями тружеников.

Многие страницы сборника отданы вечным темам любви, детства, размышлениям об истоках творчества, о вдохновляющей силе природы.

Рецензент Л. П. Быков

В $\frac{4702010200-051}{М158(03)-86}$ 41-86

* * *

Заблестела земля в гараже
Повидавшею виды фуфайкой.
Из дырявых сугробов уже
Появляются первые гайки.
По-иному стальные ключи
Зазвенели в карманах спецовки.
И пошли по дорогам ручьи,
Как по веткам березовым соки.
И, шагая в литых сапогах
С молодою бригадой по лужам,
Я впервые почувствовал,
                                        как
Этот мир растревоженный нужен.
С воробьями на арке ворот,
С вдохновенной ремонтной вознею,
С лесовозом,
                    поднявшим капот,
Словно парус над яркой водою,
С топольком,
                    что под солнечный гул,
Не скрывая восторженной боли,
Перед нами листву развернул,
Еще новенькую,
                        в солидоле.

* * *

Весна
За воротами цеха.
И в сборочном цехе —
Весна.
Сливается с криком
И смехом
Под крышей
Кран-балок возня.
Вороны
Чумазой бригадой
Галдят под лучами
Весны.
И сварочной птице
Крылатой
Просторные стены
Тесны.

В машине

Выплеск лужиц.
Льдистый хруп.
Март грозил распутицей.
Кутались в один тулуп
В кузове с попутчицей.

Намокал бараний мех
Над губами теплыми.
И слетал с деревьев снег
Кружевными хлопьями.

Можно было песни петь,
Веселеть от скорости,

Но не смог преодолеть
Приступ нежной робости.

Может, к лучшему:
Когда
Нас приезд обрадует,
Обжитая теснота
Распадется надвое.

* * *

Как не писать о работе.
Если она по душе.
Даже когда на ремонте
Трактор стоит в гараже.
А по дорогам весенним
Март половодье пустил,
Где лесовозам спасенье —
Трактора мощный буксир.
Вот и рифмую до пота,
Перебирая не в лад:
Вечер, мечты и погода,
Свечи, болты и домкрат.
Мастер пройдет втихомолку.
И без надежды в глазах
В табель поставит «восьмерку»
Как бесконечности знак.
Только начальник азартно
Бросит,
        очками слепя:
«Если не сделаешь к завтра,
Трактор спишу...
                        и тебя!»
Хмуро копался до ночи.

Все перебрал, перемыл.
Утром зеленые почки
Тополь седой навострил,
Слыша,
        как взвил обороты
Трактор в пустом гараже...
Как не писать о работе,
Если она по душе.

* * *

Ночь леденеет в испуге.
Солнце вот-вот ослепит.
В ломкой
Блестящей кольчуге
Снег в огородах стоит.

Лед на дорогах неровен.
За ночь до голубизны
Наскоро отполирован
Для отраженья весны.

Но под снегами живая
Зреет вода,
Как подвох.
Значит, зима снеговая
Скоро уйдет из-под ног.

Плечи дремотного леса,
Выдержав длительный гнет,
И не почувствуют веса
Завтрашних
Листьев и гнезд.

В дороге

Ствол березы как просвет
В темной гуще бора.
Светел ландышей букет,
Собранный шофером.

Бесшабашно и легко
Мчит по лужам «газик».
И дорожное стекло
В конопушках грязи.

На дождливую весну
Сетуя порядком,
Все ж букету своему
Затаенно рад он.

И, предчувствуя к тому ж
Всех домашних «ахи»,
Так летит, что вспышки луж
Словно птичьи взмахи.

* * *

Исковерканы и ржавы
Привокзальные снега.
Передернет цепь состава
От внезапного гудка.

Капли сыпнутся с куста и —
Продырявят серый наст.
Суматошно вскаркнет стая
И смятением обдаст.

Но вильнет за перелесок
Составной тянучий гул.
В синеватой жилке рельса
Простучит и стихнет пульс.

Станет глухо и бездонно
В сочном сумраке густом
Под разросшимся огромно
Звездно-капельным кустом.

* * *

Двустволка за плечом
И патронташ на поясе.
Дорога над ручьем,
Туманный лес,
Ну что еще? —
Мне б услыхать зарю,
Как свет по травам стелется.
Да как по глухарю
Мне выстрелить осмелиться?
Пусть в предках у меня
Охотников не значится,
И ты клянешь меня,
Что все испорчу начисто.
Я все-таки смогу.
Я ни за что не выстою.
Как только боль сморгну,
Да ветку отогну,
Да муху отпугну,
Да паука смахну,
Смогу, смогу, смогу...
И все-таки не выстрелю.

* * *

Моя родина заросла
Молодыми сосенками.
Только лет через сто
Леса
Снова станут высокими.
От болотины до моста —
Все под хвойной
Посадкою.
Все равно приеду сюда
На сентябрь с палаткою.
Проживу до осенних стай,
Вспоминая о пройденном.
Поскорее расти-подрастай,
Мой лесок,
Моя родина.

* * *

Вошел как по ступеням:
Трава, подлесок, лес.
И в шелесте весеннем
Задумчиво исчез.

И превратился в шорох.
Ни памяти, ни бед,
Ни боли, без которых
Меня на свете нет.

И все, что мне хотелось
Сказать сегодня вам,
Уже скворцами пелось
По утренним ветвям.

И все, о чем смолчали
Вчерашние слова,
Сегодня точно знали
Роса, цветы, листва.

Когда б и вы могли бы
Прийти сюда сейчас,
То птицы, травы, липы
Нам объяснили б нас.

* * *

Как много во мне
Человечьих путей —
Запутанных судеб,
Которые совестью
Правят моей —
Тревожат и судят.

Которые мне
Нестерпимо носить
Под ветреной синью,
Которые нужно
Однажды решить
Единственной жизнью.

* * *

Корчевали таежные дебри.
Расплескав на пригорках щепу,
Чтоб росли беззаботнее дети,
Каждый строил большую избу.

Привыкали тревожно и трудно
К диковатым лесным чудесам.
И вставало рабочее утро,
Доверяясь людским голосам.

Прилепились сараи и баньки.
И однажды просохшей весной
Огородами стали делянки
И покосом разлив за рекой.

Поднялась в огородах картошка.
И запахли обеды сытней.
И все чаще резвилась гармошка,
Веселя неженатых парней.

Зачерствели дороги повсюду
С лужным прищуром в колее,
Отгорланили свадьбы...
И люди
Прижились на таежной земле.

* * *

Туман стоял
Как на века
Средь сосен и берез,
Вчерашним духом табака
Пропитанный насквозь.
Идем в тайгу.
Пружинит дерн.
И вспоминаю сон,
В котором ты, и сын, и дом,
И солнце за окном.
Бензопилы тревожный визг
Деревья кинет в дрожь.

Качнется ствол
И сбросит вниз
Плащом дремотный дождь.
И встанет день,
Раскинув гул
И просеку разжав.
Где каждый пень,
Как солнце, кругл
И, как щека, шершав.
Сырой табак и мошкара,
И горькая кора.
Ревут надрывно трактора,
Горячие с утра...
Вновь тишина.
Пружинит дерн.
Укачивает в сон,
В котором ты, и сын, и дом,
И солнце за окном.

* * *

Моя окраина бела
От снегопада свежего
И от субботнего белья,
Что под окном развешано.

Вдали от гари гаража,
От грохота бульдозера
Обрадуюсь:
как хороша!
Пахуча и березова

Зима в таежном ноябре.
Сосулиста и пениста.
И золотится во дворе
Мозаика поленницы.

Стужа

Суховатая, вязкая стужа.
И размашистый ветер весом.
Под широкой подошвою лужа
Звучно хрупнет
Капустным листом.
Лесовоз, под вязанкою сосен
Приседая,
Давнет на басы
И окатит пахучим морозом
Так,
Что иней облепит усы.
Гул машин,
Горечь дыма и пота,
Горьковатый, прокуренный смех...
Но притихнет
В ремонтном работа,
Как повалит неслыханный снег.
Тяжело,
Светоносно
И зыбко.
И привыкнуть к нему
Не успев,
Мы столпимся в дверях
Без улыбки,
По-мальчишески оторопев.

Случай

С работы вернулся хмельной.
Жена не пустила домой.

Куда же в такую погоду?
И снова пошел на работу.

Со сторожем ночь просидел.
Осунулся и постарел.

А утром собрался в дорогу.
Открыл. И жена у порога.

Усталая. Ночь не спала.
Искала его и ждала.

Застыли в неловком испуге.
И не узнавали друг друга.

Бригада

Хрустим
Ржаною корочкой дороги.
В мужалых
Басовитых голосах
Пробилась рассудительная
Строгость,
Как проволока
В молодых усах.
Познали мы
Невзгоды и морозы...

И на больших ладонях,
Что грубы,
Железными заклепками
Мозоли
Удерживают линию
Судьбы.

Тишина

Рябиновый лист
Как рубчатый
И глиняный след колеса.
В колдобине трактор веснушчатый,
Заглохнув,
Пальнет в небеса.
И эхо
С откоса огромного
В распадок уйдет кувырком.
И только береза надломленно
Качнет золотым рукавом.
И в сумраке,
Пахнущем инисто,
Услышишь,
Как с темного дна
Крылато и взрывчато вскинется,
Лицо опахнув,
Тишина.
И ты перед ней
Остановишься.
И крепнет тишайшая нить.
И трактор —
Такое чудовище,
Что страшно его разбудить.

* * *

Входи в меня,
Сосновый лес,
Пожаром обожженный,
С лоскутом северных небес
В озерах отраженный.

Входи,
Как я входил порой
В настой смолистой хвои,
Где мхами
Выстланный покой
Лечил меня от хвори.

Живи во мне,
Шуми, тревожь
Весной и днем осенним...
Пусть наполняет
Летний дождь
Меня —
Твоим волненьем.

И перелетным
Пеньем дня.
Жарой и стужей скован,
Сосновый лес,
Входи в меня
Невысказанным словом.

Дрова

Сосна, ольха, береза, елка...
Трещит огонь. Горчит дымок.
И только изредка отщелкнет
Рубином жаркий уголек.

Возьму еловое полено.
Крепко и жилисто на вид.
Летучим пламенем мгновенно
Зальет.
Но долго ель горит.
Всегда казалась не простою
Судьба угрюмая ее.
Росла.
Под хвойной тишиною
Растила кучи муравьев.
Кормила птиц.
Скрывала зверя.
И в дружной тесноте подруг
Однажды выбежав на берег,
Хранила лес от зимних вьюг.
Жила, и было не до песен
В суровой жизни.
Потому
Горит, и, словно охнет,
Треснет,
И брызнет искрами во тьму.

Подброшу в меркнущие угли
Кривые чурочки ольхи,
Чтоб отогреть сырые руки
И разогреть котел ухи.
Ольха родилась на болотце
В ораве хрупких горемык.

Счастливо ежила на солнце
Листву на веточках рябых.
И, может, горько сознавая
Свой неуют и непочет,
Так горячо она пылает,
Так горестно и горячо.

Березы белое полено
С колечком серой бересты.
И в памяти встают степенны,
Встают прохладны и чисты
Леса березового лета
В краю,
Какого нет родней.
Береза, как источник света
В таежной памяти моей.
Горит,
А кажется — кипучей
Листвой бушует на ветру...

Сгребу рубины тесной кучей,
Чтоб сохранил костер жару.
Потянет с ближнего болота
Туманный холод по земле.
Уходит время перелета.
И надо думать о зиме.
Но ни тоска,
Ни ветер колкий
Мне не страшны,
Пока со мной
Живет ольха,
Береза, елка...
Деревья с разною судьбой.

* * *

Слоистой дымкой провода
Висят по хвойным выемкам.
Кружит речная немота
Листву утиным выводком.

Поселок дремлет на буграх.
А за подлеском ивовым
Густеет августовский мрак
И прорастает инеем.

Так зреют звезды в полумгле
И снегопадом светятся,
Которому лететь к земле
Еще три долгих месяца.

С дедом

Кипрея седыми буклями
Обвита лесная бровка.
К щеке половиной клюквины
Прилипла божья коровка.

Прохлада уже не летняя.
И коршун над полднем леса
Очерчивает замедленно
Круг нашего интереса,

В котором грибы да ягоды.
Дед заворожен низиной,
Откуда, известно загодя,
Не выйти с пустой корзиной.

Чем ярче вскипает лиственник,
Угрюмей хвойник темнеет.
Но после восторгов искренних
Внезапно язык немеет.

Шагаем в порыве бодрости
По желтым полоскам света.
И я не чувствую возраста
Идущего рядом деда.

* * *

Жар земляничной просеки,
Пух ветра на губах,—
Когда сажали сосенки
На старых вырубах.

И не были помехами
Мошка в сырой тайге,
Кедровыми орехами
Мозоли в кулаке,

А в сапогах расхлябанных
Иголки, хруст коры...
И кружит память в ягодных
Рассветах с той поры.

И в ноябре неистовом
Торчу в дому ночном,
Как перед телевизором,
Перед печным огнем.

Так поживу,
подумаю.
И грохну: «Не могу!»
Остановлю попутную
И укачу в тайгу,

Где стынут ветры хвойные.
И листья в колее,
А корни родословные,
Как у меня —
в земле.

Предзимье

Поредеет шум листвы
До свиста.
Зарябит открытая река.
Ель из перелеска
Устремится
Журавлиным клином в облака.

И в прогибе
Лужистой дороги
Отстоится мутный небосвод.
Первоснежье
Пестрою сорокой
В памяти осенней промелькнет.

Вскоре забуранит непогода.
И согнется
Выстуженный лес,
Создавая видимость ухода
Из моих
Похолодавших мест.

* * *

Горечь болезни.
Малиной
Пахнет горячий озноб.
На подоконник сугроб
Лапой оперся звериной.

Скоро привстанет
И прямо
Сунется в полночь мою.
Страшно.
Я тихо пою.
«Плачет»,— подумает мама.

Скрипнет кровать
Осторожно.
Вздрогнет пугливая ночь.
И от бессилья помочь
Мама заплачет
Бесслезно.

Сеновал

Залезу по лестнице шаткой
В дремотное,
Мятное, тминное...
Где матовой сорокаваттной
Гнездо над окошком осиное.
Залезу,
Беспамятно рухну
В колючее,
Хрусткое полымя.
И лето приблизится к слуху
Шмелями,
Стрекозами,
Пчелами.
Овеет ромашковым зноем,
Остудит водой родниковою,
Где галька со льдинчатым звоном.
И месяц ржавеет подковою.
Парю над собой,
Отражаюсь
В рассыпанных лужах и в омутах.
То ливнем лечу
И снижаюсь
До ягод малины нетронутых.
То чуткую глубь предвечерья
Пронзаю
Пружинистой молнией...
Очнусь —
За распахнутой дверью
Стоит
Снеговое безмолвие.

* * *

Сама бежала под колеса
Дорога.
А из-под колес
Взрывалась облаком мороза
И настигала лесовоз.

Бесилась,
Вьюгою металась,
Расплатой бредила вдогон.
Но утихала боль
И ярость.
И оглушал дорогу сон.

Ей снилось —
Тишина лесная,
В заглохшей колее цветы.
И человек стоит,
Не зная,
В какую сторону идти.

Зимой

Раскатисты и пышны
Березовые дали.
И сварочные вспышки
Заметно полиняли.

Светлее и спокойней
Авторемонтный корпус.
Под снежною попоной
Спит старенький автобус.

Все лесовозы в рейсе:
Басят за гулким бором.
Бредет куда-то слесарь
С потухшим «Беломором».

Прикурит,
                на минутку
Притормозив у сварки,
От электрода,
                будто
От дружеской цигарки.

* * *

Вчера
Рассчитался с работой.
Сегодня пришел
Под хмельком.
С начальником
Спорил до пота
Об этом, о том —
Ни о чем.
И ждал,
Что начальник суровый,
Расшатанным стулом скрипя,
Вдруг скажет,
Разгладив межбровье:
«Уйдешь —
Пропадем без тебя!»
Да если бы
В жизни мазутной,
И черт с ним,
С окладом большим,
Почувствовать сердцем:
Кому-то
Ты нужен,
Ты необходим...
И тут подкатила тупая
Обида
Горчащим комком.
Он вышел,
Смущенно ступая.
И слезы смахнул
За углом.

* * *

В муку размолота
Морозная дорога.
Пешком по холоду —
Ненужная морока.

Автобус фарами
Скользнет по комбинату.
Рассадит парами
Ремонтную бригаду.

На мягкой скорости,
Под вздохи ветровые
Притихнут горести
И радости дневные.

И думай нехотя
Под гул бесед и смеха,
Что так и ехал бы,
И ехал бы, и ехал...

* * *

За зелеными соснами —
Синие,
А за синими — облака.
Наполняла волнующей силою
Глухоманные годы тайга.

С глухарями,
Болотами,
Лешими,
С красной ягодой,
Белым грибом...

Глубоко рассекли ее рельсами.
И составы пошли сквозняком.

И теперь на стекле,
Словно признаки
Тех лесов,
Под которыми рос,
Проступают морозные призраки
Белых сосен,
Осин и берез.

* * *

Колокол снега под фонарем.
Дали обложены ватой.
И опоясан штакетником дом —
Сороконожкой мохнатой.

Ни суеты,
Ни мороки земной,
Ночь с человеком в согласьи.
Падает снег.
Со Вселенной самой
Держит планету на связи.

Схоронила мужа

Два ведра из мокрой темноты.
Ходит ворот
Хриплыми кругами.
За тобою выплески воды
Тянутся гусиными следами.
Натаскала в баню досветла.
Протопила тихо и любовно.
Солнечными брызгами смола
Облепила щелистые бревна.
Веники запарила...
И все ж
Не уйму сочувственной
Тревоги:
Думал я,
Вот-вот не донесешь,
Разбросаешь ведра по дороге...
Но
Блины субботние пекла,
Не спеша склонялась
Над корытом.
Никакая боль не потрясла
Крепости налаженного быта?
Что ж ты долго в баню не идешь?
Не смиряясь
С горестным молчаньем,
Все хлопочешь,
Все кого-то ждешь.
В пятый раз
Перекипает чайник.

Зимний поселок

После оттепели долгой
В середине февраля
Стужей солнечной и колкой
Расхвоило тополя.

День морозен и недолог.
В белых думах о весне
Задремал лесной поселок
От дороги в стороне.

А дорога в синей стыни
Гонит «КрАЗы»,
грохоча,
И поселок в теплом дыме
Как дыханье у плеча.

К матери

Наконец назло
Седым ненастьям
На большие праздники домой
Прилечу к отцу,
Сестре и братьям,
К матери —
Совсем уже седой.

За домашним
Праздничным весельем
Поделюсь,
Шумливый, молодой,
Дорогим и радостным —
Со всеми,
А печальным —
С матерью одной.

И припомню с братьями я
Снова
Ягоды на просеке лесной,
Шалости мальчишества былого...
А невзгоды —
С матерью одной.

Но затихнет
Праздничное время.
И прощусь
С надежною родней.
Встреча для меня всегда
Со всеми,
А разлука —
С матерью одной.

* * *

Встану раненько.
Влезу в валенки,
Большие, пудовые,
С подшитой подошвою.

Березовым веником
Обмету ступеньки.
Подмету дорожку
Чисто, по-хорошему.

В холод инистый
Выглянет соседка.
За работу вынесет
Мятные конфетки.

Я скажу на это
Хмуро, по-мужски:
«Я ж не за конфеты,
Я же для души».

* * *

Окна перелистывает сумрак
Или переписывает заново,—
Серебром исполненный рисунок
Высветило утреннее зарево.

Белой немотою зарастаю.
Но однажды,
Неудачи комкая,
Выбежав на улицу, узнаю,
Что зима огромная и громкая.

И такая слышимость!
Наверно,
Можно говорить
В порыве дерзости
С целым миром и, одновременно,
С каждым его жителем
В отдельности.

* * *

Засвистела поземка
Зернистым огнем,
Искривила закатные тени.
Покачнулись дымы
Над вечерним селом —
Волокнистые стебли растений.

И предчувствием близости
Яркой весны
Неожиданно сердце смутится,
Затревожится.
Выйду в распах белизны,
Чтоб волненьем
С погодою слиться.

И опять неколеблема
Глубь февраля,
Сплав мороза и звездного эха.
Млечный путь
Отмечают в полях от села
До села
Телеграфные вехи.

Но с разбуженной памятью
Настороже
Замирая, стоит темнолесье.
И меж прошлым мгновеньем
И этим — уже
Не могу обрести равновесья.

Первым

Начинали с палаток. А нынче
Ну кого напугает зима,
Если каждому стали привычны
С паровым отопленьем дома.

И стоят корпуса комбината
За поселком угластым щитом.
Но, как прежде, таежной бригаде
Золоченые хвойники — дом.

Где гудят перекрестные ветры
По буграм и делянкам лютей,
Понимаешь большую планету
Как огромное сердце людей.

Память

Ты решил вернуться
И продолжить
Путь,
Что был наполовину прожит.
И не увеличивать утрат.
Лесовозы мчат по снежной трассе.
Говоришь знакомым тихо:
«Здрасте».
Часто отвечаешь невпопад.
Все как прежде,
Но и все иначе.
Думаешь,
А что все это значит?
Почему все то и все не так?
Кружишь по сосновому рассвету
За своею памятью по следу
И не совпадаешь с ней никак.
Встанешь на тревожном перепутье
Не в ладу с решительною сутью:
Где я?
        Что я?
                И куда идти?
Потянуло мартом издалека.
Потянула свежая дорога.
Потянула?
        Доброго пути!

* * *

Поземка снег на взлобье
Протерла до земли.
Свистел в никчемной злобе
Последний день зимы.

Сугроб могучим килем
Раздваивал метель...
Но золотой на синем
Поднялся вешний день:

Неровная гребенка
Сосулек вдоль окон.
Порывисто и громко
Ударил дробный звон.

От капель снег ячеист.
А ветер сыроват.
Запахли горячее
Сосновые дрова.

И давние пробелы
В тетради черновой
Я заполняю смело
Дождем, теплом, травой...

Половодье

Копны плавают по небу.
Облака стоят в кустах.
Привязали к лодке вербу
И задумались впотьмах.

Ты вольна и несвободна,
То нежна, то зла со мной.
Посредине половодья
Между небом и землей.

Я и сам еще не в силе
Рассудить весну свою:
Над бугром плыву я или
Над распадиной стою.

Вот уйдет вода большая,
Оползет по городьбе,
Беспощадно обнажая
Все подробности в судьбе.

И тогда увижу смело,
Что напутала весна,
Где обманывали мели,
Где страшила глубина.

А пока — в объятьях руки
До отчаянья туги,
По деревне ходят слухи,
По воде идут круги.

* * *

С напором юного тепла
И к нам весна явилась.
И тень березы ожила —
Ручьями разветвилась.

И слышится до темноты,
Как бредит за отрожьем
Болото, полное воды,
Своим озерным прошлым.

Когда просушен косогор,
Проветрен сумрак сосен,
Системою кротовых нор
Ручей последний всосан —

Притихла дремная весна.
И одиноки птицы.
В еловых лапах тишина —
В ежовых рукавицах.

В глубь перегноя и песка
Ушла весна от света
К личинке майского жука
И корню первоцвета.

Чтоб от сумятицы земной
До откровений звездных
Заполнить мир густой листвой,
Расталкивая воздух.

* * *

Тайга запоминает дождь.
И про себя бормочет.
В густые заросли войдешь —
До ниточки промочит.

Так я запоминал апрель.
Все, что случалось с нами.
Чего не заменить теперь
Ни письмами, ни снами.

И в человеческом лесу,
Не ведая усталость,
Я до сих пор один несу,
Что на двоих давалось.

Когда раскаянно придешь
Ко мне, в одну минуту
Все оживет, прольется дождь.
И я тебя забуду.

* * *

Что с тобой?
В захолустье ночном
Ты запутался мыслями.
То ли туча бушует дождем,
То ли дерево листьями.

То ли явно услышал вопрос,
То ли искренне выпутал
Из младенческой речи берез,
То ли сам его выдумал.

Все живое в июньской судьбе
Так отчаянно связано,
Что ни скажешь, все будто тебе
Непогодой подсказано.

После жары

Порывисто и гулко
Протопал проливной.
Насытил переулки
Колодезною мглой.

Над свежестью дощатой
Сырая ночь зажглась.
Но горькою досадой
Во мне отозвалась

Жара и перебранка,
Дневная суета,
Как пыльная изнанка
Омытого куста.

Родство

Отпечаток пальца —
Срез
Годовых колец древесных.
Подхватил меня экспресс
И —
Поредел отцовский лес.
В толкотне вагонных верст,
На изломах дней
Усталых
Не припомню полустанок,
Где мальчишкою пророс.
Позабыл, откуда я,
Где товарищи по детству?
Помню — рос,
А по соседству —
Сосны, вербы, тополя...

* * *

Пали дороги.
Снега обросли
Серым стеклянным мхом.
В береговом сосняке обрести
Ясную память о том,
Как под иглистыми кронами жил
В детстве,
Не ведая грусти.
И голубику домой приносил
В шляпе замшелого груздя...
Крепкие травы.
Просеянный дождь.
Рыжие белки по соснам.
С пасмурным сердцем
Сюда забредешь,
Выйдешь с ромашковым солнцем...
Часто дороги
К деревьям ведут,
Словно на родину рвешься,
Веря,—
Там сосны упасть не дадут,
Если от боли качнешься.

Отцу

Теперь не сказанное вслух
Понятней. Тем дороже
Мечта, которую твой внук
Осуществить не может.

На Украине брошен дом,
Деревья в гнездах грачьих.
Когда поехал, под окном
Не вытер слез ребячьих...

Тебя нам искренне понять
Недоставало силы.
Мы сердцем начали врастать
В веселый лес России.

Глядел на нас, на мир окрест,
Грустил по Украине.
Мечтою — там,
Судьбою — здесь,
Душой — посередине.

Из детства

Я так внезапно
Вышел к людям,
Когда к молчанию привык,
Что непонятен был
И труден
Мне человеческий язык.

И лишь в поселке
Ощутимо
Я вник в значение речей.
Во все,
Что так необходимо
Живущему среди людей.

Во все,
Что мучит и тревожит
Сплетеньем радостей и смут,—
А что язык сказать
Не сможет,
То по молчанию
Поймут.

Поезд

Поезд — сонный старик,
Семьдесят которому.
В тупике постоит,
Уступая скорому.

Табаком попыхтит.
И, скрипя суставами,
Неуклюже помчит
Между полустанками.

— Ох, не даст ревматизм
Дотянуть до пенсии,—
Слышу вечный мотив
Стариковской песни.

Сяду перед окном
И, забыв, что еду,
Как с родным стариком,
Затяну беседу.

Где гудком, где качком
Мне поддакнет поезд.
На вокзале большом
Медленно опомнюсь.

И, ступая во тьму
Привокзальной полночи,
Словно руку, пожму
Заскорузлый поручень.

Ожидание

Космы дыма над трубой
Треплет жесткий ветер.
Снежной мелкою крупой
Осветило вечер.

Бабушке не спится,—
ждет
Городского внука.
Тихо вздрагивает от
Крупяного стука.

Нос расплющит о стекло.
Приоткроет двери.
По календарю число
Телеграммы сверит.

А когда в конце концов
Глухо хлопнет дверца,
Не услышит звук шагов
Из-за грома сердца.

Ночной дождь

Окно приоткрой.
Присядь и послушай,
Как тополь шумит
Широким плащом.
Когда еще нам
Представится случай
Бессонницей маяться
Вместе с дождем.

Когда еще будет
Так пахнуть укропом
И сочной ботвой
Огородная глушь,
Что мигом размякнет,
Разбухнет огромно
В заботах дневных
Зачерствелая грусть?

Кружат пузыри
Над широкою лужей —
Растут одуванчиками
Под окном.
И вытолкнешь створки,
Как выпустишь душу,
И стекла блеснут
Стрекозиным крылом.

Яблоко детства

Солнце слева — рассвет.
Солнце справа — закат.
Проявился их цвет
На зеленых боках.

Детство помнит горох,
Помидоры да лук.
Слева — сосны да мох.
Справа — речка да луг.

Проливные дожди
И густое тепло
Через годы дошли
И наполнили плод

Духом гроз и полей,
Светом рос и комет
Тех безоблачных дней,
Тех безъяблочных мест.

* * *

В зеленой
Картофельной грядке,
Где куры изрыли межу,
Виновный
В мальчишеской драке,
От мамы скрываясь, лежу.
Лежу.
И на оклики мамы
Молчу.
К чернозему щека.
А клубни
Толкают в бока
Сердитыми кулаками.

Возвращение

Медленней улитки
Проползла слеза
В уголок улыбки.

Ни домов, ни улиц —
Хвойные леса
Под дождем пригнулись.

Больше не приеду
В бабушкину глушь
По сырому лету.

Никакому ветру
Я не отзовусь,
Никакому следу.

И куда тянулась
Память столько лет,
Если вместо улиц —

Вспаханное поле
Да осенний лес.
Ни тоски, ни боли.

* * *

Что осталось мне от деда? —
Дом в деревне, тополя,
Слезы мамы в День Победы
Да могила в мире где-то,
Не нашел которой я.

* * *

Пронзителен зернистый хруст —
Снег со стеклом наполовину.
И крыши стряхивают груз,
Зимою взваленный на спину.

Еще постигнуть не дано
Того, что вызревает слепо.
Но замечаешь, как давно
Не видел чисто-синим небо.

Не мял в ладонях чернозем,
Лес не оглядывал подробно.
Все это было б ни при чем,
Вчерашней стужей, но сегодня,

Когда распахнута весна
Для торжества всего живого,—
Пора готовить семена
И проверять на всхожесть слово.

Гнать в шею сон и злую лень.
Не поддаваясь мелкой скорби,
Не проворонить бы тот день,
Что сеятеля год прокормит.

* * *

Воздух скоростью спрессован
На таежной трассе.
Пахнет сумраком сосновым
Летнее ненастье.

Говорят, что одиноко
Без реки. Да, может.
Но бессонная дорога —
Это речка тоже.

Зарасти она — и вскоре
В немоте полночной
Мы заглохнем, как озера
Без воды проточной.

А пока в жару и стужу
Мчат по трассе грузы,
Верю, наш поселок нужен
Для всего Союза.

* * *

Крупной одуванчиковой пеной
Лето заплескало берега.
Затянуло комариным пеньем
Утренние щели сосняка.

Ливень семицветным колокольцем
Прозвенит над яркой тишиной.
И леса,
        забрызганные солнцем,
Отзовутся птичьей щебетней.

Родина!
        Как солнечную юность,
Сохрани размах весенних дней.
Чтобы многоцветье обернулось
Многозначной зрелостью твоей.

Чтоб любая памятная малость,
Родственная завтрашней судьбе,
И во мне объемно наливалась
Силой притяжения к тебе.

Откровенье

Когда во всем
Тебе призналась,
То, заглянув
В глаза твои,
Она внезапно
Испугалась
Всей откровенности
Любви.

Боясь
Что будет все иначе,
Подумал ты тогда о том,
Что так
Новорожденный плачет.
Смеяться учится потом.

На озере

На мелководье брызги смеха,
Восторженный ребячий гам.
Ленивыми кругами эхо
Расходится по берегам.

Я отплыву к зубчатой тени,
Где перевернуты леса,
Где призраком звезды вечерней
Остекленела стрекоза.

Вдали от пляшущего света
Здесь полдень сумеречно-тих.
И зной размашистого лета
Его покоя не постиг.

Я позавидовал:
　　　　　　　　и мне бы
Лучистым плеском день встречать,
А в глубине полночной
　　　　　　　　　　с небом
О тайнах космоса молчать.

Июнь в разлуке

Вскипали ботвой огороды.
И желтой закатной порой
Предчувствие ясной погоды
Жонглировало мошкарой.

Июнь озабоченно бредил
Грибами в дремучей тени.
И хвоистой лапою ветер
Ерошил вихрастые дни.

Я сам был себе непривычен.
Вбегал в разноцветье полян,
Когда языком земляничин
Дразнила зеленая рань.

И падал в широкие травы,
В пахучий нетронутый зной,
И я был надеяться вправе,
Что это надолго со мной.

Впервые,
быть может, с рожденья
Не помнил любви и родства.
И сердцу травою забвенья
Была молодая трава.

Смятение

Тревожная боязнь,
Отчаянная встреча:
Вот выбежишь, смеясь,
А мне ответить нечем.

Накатит, страх сменя,
Веселая решимость:
А вдруг, узнав меня,
Ты прошагаешь мимо?

Художник

Листвой июнь заволокло.
Напористо гудя,
В ручьи сплеталось волокно
Наклонного дождя.

Звенел, невидимый впотьмах,
Разбуженный комар.
Разбух и защемил в щелях
Крапиву тротуар.

И червь из-под его досок
По крапинам песка
Вытягивался, как сосок
Весеннего ростка.

Слепая жажда рисовать
Приковывала взгляд:
Закат и листья, и опять
За листьями закат.

И нить стеклянного дождя,
И сосен вертикаль...
Во всем счастливо находя
Основу и деталь.

Эскиз: разбег карандаша,
Нечаянность пятна —
И обозначена душа
Большого полотна.

* * *

Шофер остановится резко.
Задремлет усталый мотор.
И мягко
Касаясь подлеска,
Шагнем
В удивительный бор,
Где пахнет
По-летнему крепко
Прогретой листвою и мхом.
Большую пудовую кепку
Хороших грибов наберем.
И, разговорясь постепенно,
Расскажет —
Окурок в зубах —
О мальчике послевоенном,
Что вырос на этих грибах.
Расскажет
Тепло и толково,
Как в трудные годы страны
Грибы собирал
И готовил
И не надоели они.
Потом
Улыбнется неровно
Своим невеселым словам
И шляпу грибную невольно
Разломит в руках
Пополам.

* * *

Золотой короной сруб
На снегах открытых.
Молодой, горячий труд
Плотников небритых.

До седых небес пропах
День смолою терпкой.
И рыжеет в облаках
Полумесяц щепкой.

Под морозной синевой
Станет иней колким,
Сруб сосновою зарей
Тает за поселком.

Высотный снегопад

С большого этажа
Не разглядеть того.
Чему б твоя душа
Отозвалась легко.

И маемся без тех
Подробностей в окне,
Как на рябине снег,
Как листья на воде,

Как мимолетный взгляд,
Как шлепанье подошв...
Высотный снегопад,
Переходящий в дождь.

Когда наступит час
Отсюда уезжать,
Ничто не сможет нас
На миг, но удержать.

* * *

Листья у лица —
Бабочки у света.
Помнил до конца,
Что не вечно лето.

Помнил, а когда
Пронеслось, не понял.
Шлепаньем дождя
Серый день наполнен.

Верилось всегда:
Не покинешь эти
Хвойные места
Северного лета.

В зелени травы
Заплелись надолго
Крылышки твои —
Легонькие локти.

Загляжусь в окно
В красноватых росах.
Выступит лицо
Тускло, как набросок.

Потянусь к нему.
И увижу ясно,
То прилип к окну
Лист осины красной.

* * *

Смеялась.
Рукою с лодки
Разбрызгивала тишь.
А нынче, на палец локон
Накручивая, молчишь.

И, как от счастья в начале
Вечерних наших встреч,
От необъяснимой печали
Пересыхает речь.

Паром не спеша отчалит.
Все шире морская тишь.
Как громко стоит молчанье.
Кричи — не перекричишь.

* * *

Громкий мороз. Путей
Узкие зеркала.
Помню, всегда ждала
С чайником на плите.

Пахла сыновьим сном
Теплая темнота.
И замирала звезда
За угловым окном.

Нынче его не ждешь —
Намертво разошлись.
Разве, увидев жизнь,
Ты глаза отведешь?

Есть и зовет еще
Горькая страсть — умчать.
Заново все начать.
Переиначить все.

Падала в руки звезда.
А посмотрела — сын.
Вот и куда ты с ним?
И без него куда?

Озеро

Я проснусь и вспомню —
Долгожданный отпуск!
Давнее исполню:
Сяду на автобус.

Выйду на последней
И войду в осинник.
От рассвета медный,
От тумана синий.

Под упругим ветром
Распахнется чаща.
Хлынет зыбким светом
И забытым счастьем.

* * *

Ты б, наверное, смогла
Жить без боли и тревоги,
Если б жизнь в такие сроки
Незатейливо легла:

От кровати до окна,
От калитки до колодца,
От полуденного солнца
До полуночного сна,

От осеннего листа
До сегодняшнего снега,
От весеннего побега
До зеленого куста,

Если б только сыновей
Не взрастила для Отчизны,
Без которых мало жизни
В тесной комнате твоей.

Писем нет. Глядишь в окно,
Чувствуя, как непогодит,
Как вся жизнь твоя проходит,
Не вмещаясь в «от» и «до».

* * *

Уйдет злополучный двойник,
Когда от бессонницы зримее
Щетина короткого инея
Проступит на скулах твоих.

Когда убедится сполна,
Что ты не пойдешь на попятную.
И зеркало — дымкой прохладною
Затянет сквозняк от окна.

Ты сам себе проговоришь,
Простонешь упрямое:
«Выдержу».
И перед рассветом навытяжку
Застынет сосновая тишь.

И первое,
Что забывать
Не надо в отчаянье жалящем:
Звоня благодушным товарищам,
Ее телефон не набрать.

Да, ведая уличный путь,
Где дом ее
Окнами светится,
С невиданным страхом осмелиться
В проулок пустой не свернуть.

* * *

Опять к зиме
Густой замес
Морозно-белых звезд.
И снова лес
Теряет вес,
Как ящерица хвост.

Не страшен вой
Пурги ночной
За треснутым окном.
Того боюсь,
Когда вернусь,
Как отогрею дом.

Как обживу,
Как созову
Товарищей к столу
В пустую тишь,
Где только мышь
Грызет сухарь в углу.

Да что со мной?
Ведь не впервой
Надолго уезжать
И старый дом
Весенним днем
По новой обживать.

Случайная встреча

Ракушечья хрупкость
Вечернего наста,
И наледи блеск перламутровый.
И гул поездов,
Проходящих нечасто,
Все —
Внешняя память.
А внутренней
Я помню усталую
Волчью бездомность...
В тиши беспорядка вокзального
Молчим, и молчим,
И молчим.
Но, опомнясь,
Опять начинаем все заново.
Опять говорим
О случайности встречи,
О счастье внезапном,
О краткости.
И жаркие губы,
И руки на плечи,
И больно от приступа радости.
Заранее слышу:
Возьми себя в руки,
В горячую память укутайся,
Когда неизбежностью
Новой разлуки
Случайная встреча окупится.

* * *

Схолодало.
Ноябрь продул
Мешковатую хмурь облаков.
Заскользила поземка по льду
Невесомою стайкой мальков.

Стынет печь.
И темнеет окно.
Неуютно в осенней судьбе.
И сливаются мысли в одно:
О тепле, о добре, о тебе.

* * *

Итак,
Не уступив ни в чем,
Насупились, как вороны.
Помчались в поезде одном,
Поглядывая в стороны.
На миг в окошко отвлекусь
От горечи нетающей.
Когда обратно повернусь,
Взгляну,
А ты не та уже.
Ты равнодушна и пуста.
Испуган этой странностью,
Шепчу:
Куда же я?
Когда
Свою проехал станцию?

* * *

Почтовый ящик снега полон —
Нерадостных вестей зимы.
И треплет сумеречный холод
Из печек рваные дымы.

Большие валенки достану
И шубу с вешалки сниму.
Уйду по свежему бурану,
В котором лучше одному.

Захватит душу круговертью
Вдали от пасмурной избы.
И будут мысли о бессмертье
Весомей смерти и судьбы.

Заволочет холодным дымом
Размашистую память дня.
Зима в полночье нелюдимом
В снежинку превратит меня.

Я закружусь по злому ветру,
Похож на лист и на звезду.
К тебе поутру светлой вестью
В почтовый ящик упаду.

* * *

Пока дорога длится
И вечер впереди,
То стрекозе, то птице
Со мною по пути.

Весенний лес окликни —
И он в глуши стволов
Страницы новой книги
Нашелестеть готов,

В которой поневоле
Я подведу итог
Всем пережитым болям
И радостям дорог.

Но вот и дом в просветах.
И горько,
Что пока
Мне для раздумий этих
Дорога коротка.

* * *

Потянулись
Птицы к северу,
В озерные края.
Пробивается
Сквозь серую
Зеленая трава.

Проявляется
Забытая
Волнующая боль
Сквозь далекие
События,
Не ставшие судьбой.

Мы теперь
Сквозь годы
                длинные,
Сквозь простор лесной
Только нитью
Журавлиною
Связаны с тобой.

* * *

Когда поднимается ветер,
Сгибая деревья в дугу,
Я чувствую: все, что наметил,
Сегодня закончить смогу.

Осилю крутые преграды,
Любые невзгоды приму.
А ветер?
                Наверное, надо
Сегодня быть сильным ему.

Он страшное что-то затеял,
Он рвется из этого дня.
Упрямо взывая: «За дело!»—
Он в спину толкает меня.

И в громком огне озарений
Тяжелые тучи сошлись.
И замыслы давних творений
Связала слепящая мысль.

Не помню,
                невзгода ли, счастье
Вели по открытой судьбе,
Но помню, что я был не властен
Иначе сказать о себе.

* * *

На житейских сквозняках
Обнаженней стали нервы.
На рассвете слышу,
как
Обжигает стужей вербы,

Как разноголосо страсть
Заселяет ветви леса,
Как обидой налилась
Мякоть ивового среза...

Миг —
и, чувствую, пойму
Все глубины и истоки,
Недоступные уму.
Сердце б выдержало только.

Только б вынесло легко.
И, познав,
не ужаснулось...
Мать рукой волос коснулась.
И от сердца отлегло.

* * *

Еще не устоялась
Весна, а между тем
Травы немую ярость
Не удержать ничем.

Еще в побегах тонких,
Густеющих вовсю,
Не разобрать, где донник,
Где мята, где овсюг.

По сумрачному маю
Кружу в раздолье трав
И спорить продолжаю,
Не веря, что не прав.

Но устоится время.
И я пойму — нельзя
Не примириться с теми,
Кого обидел зря.

И я пойму нещадно,
Где я хорош и плох.
Где иван-чай и мята,
А где чертополох.

* * *

Все позабыл.
И даже имя
В канун осенних именин,
Витая в паутинном дыме,
Сгорает в пламени рябин.
Стою, беспамятством измаян.
Так,
Возвратившись через год,
К замочной скважине хозяин
Ключа никак не подберет.
Когда решусь
В раздумье трудном
Сказать,
Что прошлое — зола,
Невозмутимо синим утром
Ответит инеем земля.
Окликнет именем далеким
Счастливых буден череду.
И в память собственную
В строгом
Смятеньи радостно войду.
И буду гостем
Полноправным
Опять причастным ко всему,
Что называл
Прожитым, давним.
И нет забвенья ничему.

* * *

Зеленые выплески
Листьев.
Сырая весенняя сонь.
Попробуй,
Худое замыслив,
Незрелое деревце тронь.
Потом,
Если все-таки честно
Слагаешь
Простые слова,
Ты недосчитаешься песни
Синицы, дрозда,
Соловья...

* * *

О чем не подумаешь, брат,
Когда оглушенный обидой
Идешь и идешь наугад
По улице, тьмою забитой.

Куда забредешь — не поймешь.
Оглянешься — хвойная пролесь.
К отцовским корням припадешь,
И в землю впитается горесть.

И вызовешь предка в себе,
Крестьянина, крепкого духом
Он счастье в далекой судьбе
Глубоко выкраивал плугом.

Он словно раздвинет тебя,
Привычное сделает чудом.
И в чаще забьется тропа,
Которая выведет к людям,

Чтоб жить и детей поднимать,
Надежно и страстно трудиться,
Чтить корни, за Родину-мать
Готовым в беде заступиться.

Содержание

Волковец В. М.
В67 Отцовский лес: Стихи.— Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1986.— 80 с.

30 коп. 4000 экз.

Новая книга молодого тюменского поэта посвящена людям и природе тюменского края.

В $\frac{4702010200-051}{М158(03)-86}$ 41-86 ББК 84Р7

Владимир Михайлович Волковец

Отцовский лес

Редактор М. А. Федотовских
Художник Е. А. Бортников
Художественный редактор В. С. Солдатов
Технический редактор Т. Н. Черепанова
Корректоры М. Ф. Худякова, Е. В. Иванова

ИБ № 1400. Сдано в набор 05.12.85. Подписано в печать 22.04.86. НС 12058. Формат $70\times90^1/_{32}$. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. печ. л. 2,9. Усл. кр.-отт. 2,9. Уч. изд. л. 2,7. Тираж 4000. Заказ 645. Цена 30 коп.

Средне-Уральское книжное издательство, 620219, Свердловск, ГСП-351, Малышева, 24. Типография изд-ва «Уральский рабочий», 620151, Свердловск, пр. Ленина, 49.

30 коп.

Свердловск
Средне-Уральское
книжное
издательство
1986